

M
U
S
O
G
R
E

НЕ
ПРЕ
РВЫЙ
НО
СТЬ

Остров

18+

Ergo Sum

Непрерывность. Остров

«Автор»

2026

Sum E.

Непрерывность. Остров / Е. Sum — «Автор», 2026

Твой мир -- это твой родной остров, мама и очень, очень много физики с математикой. Ты с раннего детства привыкла так жить, в твоей жизни нет и не может быть ничего другого. Но ты растёшь и постепенно начинаешь понимать, что другие люди устроены как-то иначе, а мир не ограничен одним лишь островом. Вопросов у тебя всё больше. Где мой папа? Почему мы всегда здесь?.. Ответы есть не всегда, и тебе трудно понять, не знает их мама -- или не хочет, чтобы знала ты. Не помогает даже подаренный мамой скрин -- твоё единственное маленькое окошко в большой мир. И тогда ты делаешь то, что за одну тёплую южную ночь делает тебя бесконечно взрослее. Принимаешь своё первое взрослое решение. Делаешь свою первую взрослую ошибку. Делаешь свой первый выбор. Выбор между миром, открытым навстречу тебе, свободой, омниумом -- и мамой.

© Sum E., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Остров	5
К	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ergo Sum

Непрерывность. Остров

Остров

С чего начать? С самого начала, конечно. С детства. Мы ведь почти всегда не понимаем, как вроде бы мелкие, ничего не значащие мелочи из тех времён, когда твоя вселенная сжата до размера детской кровати, комнаты, дома, острова, планеты, постепенно приводят тебя туда, где ты уже совсем взрослый. Делают тебя тобой. И как же тяжело бывает это понять, какую же цену приходится платить за это...

Умное, волевое, но не лишённое изящества лицо с чуть заметной характерной асимметрией. Тонкие, сухие, сильные руки с рисунком заметно выступающих вен. И совершенно особенные карие глаза, в которых – глубоко на дне – притаилась тяжесть огромного, почти нечеловеческого знания и такая же почти нечеловеческая усталость. Столешница из грубо обработанного дерева опирается на пористые, вулканического происхождения камни. Букет самых обыкновенных полевых ромашек в немудрёной прозрачной вазе. Деревянная, не очень аккуратно вырезанная окарина на деревянном столе. На первый взгляд всё просто. Даже слишком просто. Но за этой простотой – бездна.

Итак, детство... Мой остров, любимый, родной, бесконечно далёкий и близкий. Первое, что помню – предзакат. Когда живёшь близко к экватору, он очень быстрый, и небо заметно меняет оттенки не то что с каждой минутой, а с каждым мгновением. Очень люблю этот особенный, ровный оранжевый полусвет, который так плавно перетекает в бирюзу неба, а если медленно опустить глаза вниз, то тебя целиком заполняет совершенно невероятный лиловый океан, который медленно и тщательно вылизывает тёмно-серый песок длинными языками прибою. И огромный, дрожащий по краям, багровый блин солнца, медленно проваливающийся в горизонт...

Больше всего в детстве я любила именно это время суток. Потому что в это время мы с мамой просто сидели на пляже, стараясь дышать ровно и глубоко, как то предписывают древние трактаты, и больше не делали ровным счётом ничего. И это было удивительно, потому что в остальном каждый наш день был полон под завязку. Это сейчас я понимаю, в чём тут фокус. Не перегрузить психику, не сломать тело той невероятно любопытной, чудовищно подвижной девчонки, которой я тогда была. Наверное, маме было очень непросто со мной. Я бы и несколько дней не вынесла такого ребёнка. А она справлялась. Да ещё как!

Расписание у нас было более-менее одно на двоих. Вставали мы с рассветом, и дальше до того самого предзакатного часа у нас с мамой не было ни минутки свободного времени. Хотя это я сейчас могу так сказать – “свободное время”, а тогда у нас в языке просто не было такого словосочетания. Утренняя активность – непременно приветствие дневному светилу, что-нибудь вроде кросса вокруг нашего бунгало, стоявшего недалеко от кромки прибоя, или интегра-сет посерьёзней, на час-полтора. Приготовить завтрак. Сначала этим занималась мама, но я постепенно начала ей помогать, и потом уже мы быстро и привычно управлялись с этим делом в четыре руки, понимая друг друга почти без слов. Исккупаться в океане или в соседней речке в зависимости от погоды. Поесть. А дальше начинался уже собственно день, который каждый раз был похож на предыдущий только предельной плотностью происходящего. Компакт-скрин летел куда-то на заднее сиденье, я – на переднее, мама – за руль, и через пару минут, насыщенных тугим свистом воздуха и кратким изложением плана на день в мамином исполнении, мы уже выпадали из светлого утреннего неба на какую-нибудь удобную полянку

в лесу из редких пиний, или на вершину лавового холма, или на зелёную лужайку, смотря что было удобнее.

И начиналось. Точнее, начинала обычно я. Придавленная тяжестью свалившегося на меня сверху дневного плана, я просто не могла не задать свой первый за день вопрос – а что такое интеграл по контуру? А что такое плоскость равных напряжений? А почему ядро атома не делится, если его об этом не попросить?.. Конечно же, у мамы был ответ на вопрос. Всегда был. Только каждый ответ порождал ещё больше вопросов, и через небольшое время мы с мамой обнаруживали себя вырывающимися друг у друга скрин, на котором мама пыталась набросать мне подходящую задачку, а я – тут же её решить. И трудно сказать, кто был более проворен. Поначалу, в первые год-два таких занятий, всё довольно быстро превращалось в полупуштивную потасовку – как я теперь понимаю, с элементами всяких восточных единоборств – а потом, запыхавшись, с гудящими от напряжения головами и мышцами, мы валились наземь и начинали друг над другом хохотать. Ну, это же так смешно, что нельзя одновременно определить импульс и положение частицы! Ах ты дурашка моя неуклюжая! Смотри, надо вот так и ещё вот так! Сама ты дурашка!..

И так вот по несколько циклов в день. Смутно помню, что в мои пять-шесть лет мама могла устроить получасовой перерыв на дневной сон, и тогда я дремала в предусмотрительно захваченном мамой гамаке. А то и проваливалась в сон с головой – смотря какая была до этого нагрузка. Позже, когда я уже немного подросла и окрепла, у нас остался только часовой перерыв на обед где-нибудь в кальдере дремлющего вулкана – высшей точки нашего острова – или на обзорной площадке, смотрящей в бесконечную, подёрнутую лиловой дымкой даль океана. Семь дней в неделю. Весь год. Иногда дневной план был целиком и полностью про физическую активность, и тогда мы могли целый день напролёт гоняться за черепахами и гриндами, соревнуясь, кто дальше проплывёт на задержке дыхания, или на время забегали на вершину вулкана, жадно хватая холодный разреженный воздух с резким сернистым запахом фумарол. Но полного дня вообще без какой-либо активности, телесной или ментальной, у нас, по-моему, не было ни разу.

Потом, конечно, стало сложнее. Годам к восьми я уже привыкла к тому, что некоторые задачки решаются часа по два, по три. А некоторые другие не решаются вообще, пока не отнимешь у мамы скрин и не замучаешь его вопросами, на которые он отвечает всё ту же и ту же, с заметно возрастающей задержкой. Все просьбы выдать мне собственный скрин довольно долго разбивались об однообразные мамини нельзя, пока – где-то в мои девять или десять лет, не помню точно – мама, наконец, не решилась и не пообещала: решишь задачу Роткопфа для случая Хаякавы-Бреммера – будет тебе скрин на день рождения!

Конечно же, я решила. Несколько раз дожидалась, когда мама уснёт, потихоньку вытаскивала мамин скрин из гнезда и сидела над ним часов до трёх ночи. Но этого фокуса хватило ненадолго. Поняв, что происходит, мама строго-настрого запретила мне спать меньше шести часов в сутки, а скрин начала прятать в машину, которая почему-то перестала меня узнавать после заката. Да и вообще она с самого начала учила меня верить только собственной голове, а ещё карандашу и бумаге. Скрины – это полезное зло, говорила она. Неизбежное полезное зло. И я ей, конечно же, верила.

Сейчас я понимаю, что бешеный ритм нашей тогдашней жизни был чем-то вроде бетонной стены, которую мама возвела, совершенно осознанно и целенаправленно отрезая нас с ней от внешнего мира, насколько это было возможно. И, надо сказать, у неё здорово получалось. Первые подозрения, что мы с мамой живём как-то не так, как все, появились у меня лет в восемь, но к тому времени я уже втянулась. Я была уже слишком увлечена, слишком горела всей этой бесконечной, такой любимой и ненавидимой натурологией и языком её, холодной и прекрасной структуристикой, чтобы задаваться какими-то другими вопросами слишком всерьёз. Естественно, возникали узлы внутренних напряжений, но мама с удивительным умением

и пониманием снимала их либо через предельную активность тела, либо через созерцание. Иногда – через то и другое сразу, точнее, последовательно. И это были как раз те самые долгие предзакатные минуты, когда с каждым ударом сердца, с каждым вдохом и выдохом в меня втекала окружающая реальность, реальная до невозможности, прекрасная и окончательная, одновременно бесконечно простая и бесконечно сложная, растворяющая в себе все вопросы, всю усталость прожитого непростого дня.

Как же всё это тяжело. Даже сейчас, после всего того, через что я прошла сама и протаскала тех, кто был рядом. Я ведь до сих пор не могу её за это простить. За это и за то, что случилось потом.

Сначала меня заинтересовали туристы. Местных в свои лет десять я знала уже достаточно хорошо. Точнее, думала, что знала. И именно поэтому они были мне не особо интересны. Как могут быть интересны сёрфстеры, омстеры и прочая публика, которая только и делает, что катается, летает или медитирует? Мама относилась к ним ровно, тщательно скрывая неуважение, но от родного ребёнка такие вещи не скроешь. А вот туристы – это было совсем другое. Они появлялись на острове ненадолго, на день, максимум два, и были какими-то совсем другими. Не такими, как мы, живущие на острове. Они были как будто здесь – и одновременно не совсем. Как будто их реальность лишь вмещала нашу как подмножество. Этим они напоминали мне релакстеров, которые вечно брели по острову из ниоткуда в никуда, окутанные дымом своей травы. Про траву мама объяснила мне в подробностях, как только у меня впервые возник такой вопрос. У нас с ней вообще было принято ничего друг от друга не скрывать. Ну, так мне казалось.

Так вот, туристы. Они появлялись в пятницу ближе к вечеру, когда в наш порт приходил очередной транспорт “с большой земли”, как говорила мама, не вдаваясь в подробности. И вычислить их было легче лёгкого, даже если не помнишь всех местных в лицо. То самое “здесь-и-не-здесь”, которое я сначала объясняла травой или её производными – они там на большой земле все обкуренные, что ли?.. Но быстро поняла, что всё сложнее. Они явно владели какой-то информацией, которой не было у меня. Точнее, получали информацию как-то иначе. А я же была страшно жадной до всего, что можно выяснить, решить, объяснить. Ух, как это меня зацепило! Знаете, как это выглядит со стороны? Дорогая, помнишь эту картину, ну ммм... Потом такой очень характерный взгляд в себя, почти полное отключение от реальности на пару мгновений – и общение вдруг продолжается из какой-то совершенно новой точки, неочевидной при взгляде снаружи. Как будто оба одновременно нырнули куда-то вглубь, побыли там, поймали что-то важное, как мы ловили черепах в океане, и одновременно вынырнули наружу в другом месте, неся с собой то, пойманное.

Понять, что и как они ловили, я не могла. И это интриговало. Но график моей жизни практически не оставлял места для раздумий о туристах, и потому вся эта непонятность довольно долго копилась, несколько месяцев, наверное, а может, и год. И в какой-то момент, как раз перед закатом, я спросила маму:

– Мам, а что они такое внутри себя ловят?

Мама поняла мгновенно. Я видела по ней, я поняла, что она поняла. Мы вообще прекрасно понимали друг друга. Но это был первый в моей жизни случай, когда мама не дала мне прямого ответа. Не дала даже зацепки, намёка на то, что, где и как искать. Просто помолчала – и взялась читать своё любимое стихотворение, которое служило и точкой входа в предзакатный покой, и колыбельной, когда я была совсем маленькой. Больше всего мне нравился самый его конец. Последнее четверостишие.

Нет бездны тьмы, Есть бездна света. В ней пребываем мы, В ней все ответы.

И вот сидим мы на пляже в одинаковых камала-позах, дышим в закат – а внутри меня тяжеленный такой камень. Впервые в моей жизни мама не смогла мне объяснить. А может, не захотела?..

И это было только начало.

Годам к десяти я поняла, что мы почему-то избегаем кибов. Нет, конечно, свои кибы у нас были – ну, кухонный, глупенький такой, он умел только мусор убирать да собирать фрукты рядом с домом, и несколько ещё более примитивных, не умнее кокосового краба. Но это и всё. Когда я чуть не сломала ногу во время очередного забега по лавовому склону, к нам, конечно, прилетел конвентовский медкиб, но с ним мы пообщались буквально пару минут, и он тут же улетел обратно. А вот соседи по острову обществом кибов явно не пренебрегали, скорее даже наоборот. Любили долго говорить с кибамы ни о чём. Могли попросить киба вернуть бигскрин прямо на пляже и часами смотрели странные сюжеты, где было очень много огромных причудливых зданий, и ярко раскрашенные люди занимались непонятным – кричали, били друг друга, всё прямо-таки сочилось тяжёлыми, душными эмоциями, которые чуть ли не лезли наружу через бигскрин. Это было неприятно и отвлекало от привычных моих мыслей, поэтому довольно долго я просто старалась этого не замечать. Но привычка собирать и анализировать взяла верх, и постепенно я поняла, что все эти странности – единая система. Продвинутые кибы, которые постоянно рядом со многими местными. Постоянная загрузка в мозг информационного балласта, который мешает думать, решать задачи. Конечно же, мы обсудили это с мамой перед очередным закатом. Мама тогда рассказала мне довольно много про человек-машинное взаимодействие, про гормональный синтестресс, нужный для поддержания общего тонуса при недостатке мышечной, ментальной и эмоциональной активности, но всё равно после этого разговора внутри меня остался ещё один довольно увесистый булыжник. Мама явно чего-то не договаривала. Мы явно жили не совсем так, как остальные жители острова. И, кажется, совсем не так, как принято жить за его пределами. Но почему?..

А потом возник совсем тяжёлый вопрос. Про папу. Это когда я поняла, что рядом с любым ребёнком на острове – что местным, что туристом – почти всегда есть двое взрослых, один из которых, понятное дело, мама, а второй... Папа? Не скажу, что мне часто удавалось видеть других детей и тем более слышать это слово. Ритм жизни почти не оставлял для этого места, но окружающая реальность неизбежно просачивалась внутрь меня, как бы мама ни старалась отгородить, отодвинуть меня от тех её частностей, которым, по замыслу мамы, в моей голове было не место.

Папа? Папа умер. Мама сказала это так просто, как будто речь шла о кокосовом крабе. Но я не могла не почувствовать, какая тяжесть стояла за этими двумя небрежно оброненными словами. Она явно ждала, что когда-нибудь я задам ей этот вопрос. Она явно заранее готовилась на него ответить, и всё-таки не смогла сделать это так, чтобы я ничего не почувствовала. Мои внутренние детские булыжники по сравнению с этой незнакомой мне, чудовищно взрослой тяжестью не весили ровным счётом ничего. И тогда кое-что изменилось во мне. Я поняла, что есть вещи, которые мама никогда мне не объяснит. И вовсе не потому, что не знает. А потому, что не хочет, чтобы знала я.

Это был первый мой взрослый булыжник. Первый из многих. Ах, мама, мама, зачем ты заварила всю эту кашу!..

Любила ли она меня? Ещё как любила. Думаю, немногие матери любят своих детей так. Любила, положив всю себя на алтарь моей будущей жизни – такой, какой эту жизнь представляла себе она. Никто бы не сделал больше. Но легче от этого не становится. Ни ей, ни мне.

Следующим большим и взрослым моим булыжником был вопрос о том, что там, за горизонтом, в лиловой дымке, из которой на остров время от времени выпадали серые кашалоты транспортов. Я догадывалась, что мама вряд ли даст мне развёрнутый ответ, но всё-таки спросила. Ответ меня не удивил. Перечисление континентов, рас, краткая историческая справка. Всё это я уже получила через мой собственный новенький скрин. Но было ещё кое-что, о чём бесполезно было спрашивать и скрин, и тем более маму. Почему мы здесь? Почему мы всё время здесь?..

Мама, мама. Какая же ты была наивная. В первый же день я заподозрила, что с моим скрином что-то не так. Но разобраться в этом не могла до тех пор, пока мама, видя моё взросление, в один прекрасный вечер не разрешила мне по желанию разрывать линк между нашими скринами, до того непрерывно и постоянно связанными. Тогда я поняла, что это такое – личное пространство. Много лет мы с мамой были практически единым целым – ну, за вычетом тех самых булыжников – и возможность делать что-то так, чтобы мама не видела, оказалась неожиданно ценным, пугающе ценным подарком. Мама показала, что доверяет мне – и одновременно отдалила от себя на какой-то микроскопический, но очень важный шаг. Дала понять, что невидимый, но такой жёсткий поводок её любви и воли, натянутый между нами до звона, теперь чуть-чуть ослаблен.

Нет, конечно же, я продолжила пользоваться скрином так же, как пользовалась до того. В мои одиннадцать лет мама не возражала, если после закатного созерцания я уединялась с моим скрином в моём любимом гамаке. Она не спрашивала, чем я там занимаюсь. Она меня не контролировала. И, бросая мимолётные взгляды поверх скрина, я видела её сидящей рядом, погружённой в свой скрин. Она готовила план на следующий день, а я...

Нет, конечно же, я по-прежнему решала задачи, сложность и количество которых стремительно росли с каждым годом. Но было ещё кое-что, вызывавшее во мне жгучее, непреодолимое любопытство. Неужели всё, что я могу узнать у скрина, в нём и заключено? И если можно сделать линк между двумя скринами на расстоянии нескольких шагов, то, может быть, такой линк можно протянуть дальше? Связать вместе не два скрина, а несколько?..

Времени на эти неучебные вопросы у меня было немного – минут десять-пятнадцать в день. Иначе собьёшься с графика, подведёшь маму. Но где-то после полугода очень осторожных, окольных выяснений я начала понимать. И вот в один из долгих осенних вечеров мой скрин показал мне незнакомое слово “омниум”. Впервые в жизни я узнала что-то очень важное и новое для меня у скрина, а не услышала от мамы.

Омниум был на острове везде. В каждой его точке. Двадцать четыре часа каждых суток. Но наши скрины подключались к омниуму только ночью – так мама настроила. И пока я, разбросав руки, смотрела свои детские – или уже не совсем детские – сны на жёсткой кровати из пальмовых листьев, мой скрин тащил из омниума то, с чем мне предстояло работать завтра. И мамин скрин тоже тащил. Но выяснить это, не забравшись очень глубоко внутрь скрин-софта, было невозможно. Мама постаралась. Она всегда старалась. Но я старалась ещё лучше.

Итак, к началу тринадцатого года моей удивительной островной жизни моя коллекция тяжёлых взрослых булыжников пополнилась ещё одним увесистым экземпляром под названием омниум. И у меня даже не было желания спрашивать у мамы, почему она сделала всё именно так. Почему мне не нужно знать, что стоит вытянуть руку, и через секунду в моей руке будет суровая красота Большого Собора. Или очарование зимнего вечера где-нибудь в Сибири, о которой мама никогда и ничего мне не рассказывала. Или те самые странные сцены, которые изредка показывал нам чей-нибудь чужой, случайно увиденный бигскрин.

Теперь между нами был не только тот самый натянутый поводок. Обе мы теперь ходили по тонкому прозрачному льду, под которым таились тёмные холодные воды взаимного недоверия. Знала ли мама, что я обошла её софт-защиту? Знала, конечно. Не могла не знать. Её скрин знал про все обращения к омниуму с обоих наших скринов. Я могла обойти и это, но не стала. Надеюсь, что однажды вечером мама опустится в мой гамак, и будет у нас длинный и непростой разговор об омниуме и прочих наших булыжниках. Не стала скрывать свой маленький бунт, надеясь, что она поймёт и придёт на помощь, как это было всю мою жизнь до этого. Но нет. Каждая из нас сидела вечером в своём гамаке. И я буквально физически чувствовала, как с каждым вечером наши гамаки медленно и плавно отъезжают, отдаляются друг от друга.

И дело тут было не только в булыжниках. Кое-что начало происходить с моим телом, великолепно – спасибо, мама! – тренированным, таким послушным и понятным. Теперь свои

десять минут свободы от мамы я тратила не на соборы и не на Сибирь. Я тратила их на то, чтобы понять, что со мной происходит. И успела понять почти всё до того, как поняла мама.

Бесы взросления. У меня они включились позже, чем должны были. Вероятно, виноват в этом был придуманный мамой образ жизни, все эти бесконечные и очень жёсткие тренировки тела и разума. Нет, мама не сломала меня, не перегрузила. Одна из её любимых в то время фраз – “нагрузить способного ребёнка всего на сто процентов означает потерять его”. Но она нагружала меня ровно на сто один процент. Ни фракцией больше. Вот этот один дополнительный процент, вероятно, и сработал. И в ту ночь, когда я впервые увидела на пальмовом листе тёмные пятна крови, я уже знала, что делать. И наутро сама рассказала маме. Она особо и не удивилась – понимала, что я уже многое понимаю и без её подсказок.

А теперь представьте себе такую вот пацанку, которая в свои пятнадцать запросто может забежать на Пик от Мирадора за два с половиной часа, попутно взяв в уме какой-нибудь интеграл Гольдфарба по поверхности Громова. И этой пацанке, которая с раннего детства приучена преодолевать любое препятствие, каких бы усилий это от неё ни потребовало, вдруг приспичивает. Ей нужен парень. Мужчина. Кто угодно. Нужен, аж кровь кипит. А рядом только мама, которой – как теперь уже прекрасно понимает эта пацанка – тоже иногда бывает нужно. Интересный расклад, правда?

Решить эту задачку с ходу и в лоб я не смогла. Пожалуй, это был первый в моей жизни случай такого плана, и дело было, конечно, не во мне. Дело было в задачке. Точнее, в отсутствии в моей тогдашней жизни хоть каких-то намёков на то, как эти задачки решаются. Спросить у мамы?.. Не скрою, такая мысль приходила мне в голову. Но редко и ненадолго. Слишком уж деликатный был вопрос. Слишком далеко разъехались к тому времени наши с мамой гамаки. А ещё я – впрочем, без лишних к тому поводов – казалась себе достаточно взрослой, чтобы разбираться с подобными задачками самостоятельно. Да, я разобралась. Правда, заняло это куда больше времени, чем я могла изначально предположить. Целый год или даже чуть больше.

В общем, я его чуть не изнасиловала. Причём это не был спонтанный акт, нет. Это была хорошо продуманная, тщательно подготовленная акция. Начать пришлось с аккуратного, чисто проделанного взлома маминой машины. К тому времени, натренировавшись на собственном скрине, я проделывала такие штуки достаточно уверенно. Теперь я могла мотнуться ночью куда угодно, и с утра мама ничего бы не узнала. Несколько больше времени ушло на то, чтобы выбрать жертву. Понятно, что это не должен был быть никто из местных. Значит, только туристы. Всякие старики, которым за тридцать, меня совершенно не интересовали, нужен был кто-нибудь максимум на несколько лет старше меня. Отдельной проблемой было выбрать место и время. Нормальный турист – он же либо до наступления ночи улетает обратно в большой мир на том же транспорте, которым прилетел, либо спит. Но я знала, что рано утром на острове туристов не увидишь. Значит, встают они поздно, и велика вероятность, что и ложатся тоже не очень рано. А чем они могут заняться, когда уже темно, а спать им ещё не хочется? И тут мне помог омниум. Это было не слишком рискованно – я просто интересовалась туристическими достопримечательностями родного острова, мама ничего бы не заподозрила. Нашлось несколько вариантов. Вечерние шоу – никогда не понимала этот жанр, да и для моего замысла это не очень подходило. Облёт острова на закате – совсем не то. И, наконец, экскурсии на старый маяк, который по ночам светил по-прежнему, напоминая о тех временах, когда для того, чтобы куда-нибудь попасть, нужен был путеводный свет.

Знала бы я, куда приведёт меня свет того маяка... Впрочем, чего уж. Я выбрала маяк. И начала охоту.

Ах, как сладок запретный плод! Особенно когда всё внутри бурлит от желания всё делать по-своему, наперекор. Угонять машину было, конечно, очень страшно. И именно это меня почему-то особенно взбудоражило. Когда огни маяка приблизились вплотную, я была готова

на что угодно. Бросила машину в каких-то колючих кустах – и плевать, если с утра мама найдёт новую царапину на обтекателе или пучок листьев, застрявший в решётке заборника. А потом я просто пошла на свет. И увидела их. Туристов.

Серые невыразительные тени на фоне отсветов мягкого и доброго путеводного света, который устремлён далеко в океан и потому не помогает, а скорее мешает идти по тропе. Тогда я не могла понять, как они умудрялись там бродить, ничего себе не расшибая. Мне было всё равно, темно тут или светло. Я была как натянутая до предела пружина. Впервые в жизни я делала что-то сама. Я решала что-то сама. Своими собственными руками вершила свою судьбу, хотя в тот момент и не догадывалась об этом.

Последним в неровной цепочке ковыляющих к маяку был парень чуть старше меня. Турист вне всякого сомнения. Предпоследним – не знаю. Лицо стёрлось в памяти. Когда я вышла из темноты и остановилась, не очень понимая, что делать дальше, этот предпоследний коротко глянул на меня, улыбнулся и достал из кармана яблоко – редкость на нашем острове. И дал его мне. Медленно, как во сне, я откусила немножко и протянула яблоко парню. Яблоко он взял. Точнее, взял мою руку вместе с яблоком. Моя ладонь, послушно лежащая в чужой, незнакомой мне руке. Солёная ночная прохлада и жар моей горячей крови...

Мы отстали от группы. Невозможно же одновременно идти и есть одно яблоко на двоих. Мы не сказали друг другу ни единого слова, вполне достаточного было того самого яблока. Мы оба прекрасно понимали, что должно произойти, когда яблоко будет доедено, и было немножко страшно от этой осознаваемой нами неизбежности.

Какие-то кусты. Шум ночного ветра. Ощущение, что весь мир переворачивается вокруг тебя. Бешеные толчки наших сердец. Бешеные движения наших тел. Бешеная и неумелая борьба за наслаждение, которого я так ждала – и ничего взамен. Лишь ненасытная жажда, которая, взрывая меня изнутри, снова и снова швыряет моё тренированное тело на другое тело, полупридушенно извивающееся подо мной, не ждущее от меня такого напора. И вдруг – жёсткий, слепящий свет одновременно из ниоткуда и со всех сторон. И резкий, хватающий за душу вой сирен.

Мы разлипаемся, нас отбрасывает друг от друга. Я сжимаюсь, пытаюсь прикрыться разбросанной по кустам, осыпающейся песком и листьями одеждой. Свет ярок настолько, что мне приходится освободить одну руку и прикрыть ей глаза. И только тогда я, наконец, различаю перед собой два висящих в воздухе ордер-киба, похожих на отвратительные белёсые личинки, и маму между ними.

Любые прямые сексуальные контакты между нормалами и анплагами запрещены на любой территории планеты и подлежат наказанию в зависимости от вида и степени контакта. Тогда я, конечно, не знала этот параграф кодекса. Не знала, что такое кодекс, конвент, анплаг, нормал. Да и вообще мало что знала о мире вне острова. Я поняла только одно: я совершила что-то такое, за что мне нет и не будет прощения. И тут со мной впервые случилось то, что потом много раз удивляло меня в самой себе. Страх и отчаяние не сковали меня, а, наоборот, только придали мне сил. Мгновенно пришло решение, совершенно неожиданное, но, пожалуй, единственно верное для меня в этой непростой ситуации. Единственно верное для нас всех. Я кое-как встала и, пытаюсь перекрыть надсадный вой кибовских сирен, изо всех сил прокричала прямо в слепящий свет:

– Причал тринадцать! Я имею право на причал тринадцать!

Это знал каждый островитянин. Даже я. Потому что в обязанности – очень немногочисленные! – островного конвента входило обязательное донесение этой информации до любого жителя острова старше пяти лет. Эту часть кодекса я, как и все островитяне, знала наизусть. И это было чуть ли не единственное, что я знала об окружающем мире помимо структур и натурологии.

Каждый житель острова старше пяти лет имеет право добровольно покинуть остров. Для добровольного покидания острова выделен причал тринадцать. Никакие другие транспортные операции на этом причале не производятся. Начать процедуру покидания можно, войдя в охранный периметр причала и трёхкратно объяснив своё намерение ордер-кибу причала. Конвент обязуется всесторонне содействовать желающим покинуть остров. Каждый желающий покинуть остров имеет право на предоставляемый конвентом острова охраняемый транспорт до причала тринадцать из любой точки острова. Ничья воля, включая волю конвента и близких родственников, не вправе влиять на принятие жителем решения покинуть остров и выполнение этого решения. Покидание острова осуществляется транспортом большого конвента в течение не более чем двадцати четырёх часов с момента прибытия желающего покинуть остров на причал тринадцать.

Следующие несколько часов помню урывками. Незнакомая мне, идущая на автомате, изрядно потрёпанная изнутри и снаружи конвентовская машина, в которой я непривычно одна. Мутный конус света от прожектора ордер-киба, летящего сбоку и чуть впереди. Второй ордер-киб остался рядом с маяком сторожить маму. Теперь она не вправе влиять на мои решения. От маяка до причала всего-то пара минут лёта, но в моей памяти эти минуты почему-то растянулись очень сильно, почти до бесконечности. А вот следующие несколько часов до рассвета, наоборот, помню смутно. Помню тусклые импульс-маркеры, вспыхнувшие на углах ограждения причала, когда я подошла к нему вплотную, переступив через белую линию, чётко подчерченную на крупном сером песке. Помню тяжёлый, подавляющий волю голос ордер-киба, который всплыл из причального чрева и повис по ту сторону ограждения, слепя меня своим прожектором:

– Джудит Лампкин, Вы находитесь внутри охранный периметра! Объясните свои намерения или отойдите за периметр, иначе я вынужден буду применить силу!

– Я хочу покинуть остров!

Я выкрикнула это почти автоматически, пытаюсь защититься от жёсткого света и пугающего механического голоса. Мой разум в произношении этих слов участия почти не принимал.

– Джудит Лампкин, повторно объясните свои намерения или отойдите за периметр, иначе я вынужден буду применить силу!

Вот теперь я поняла, что я такое прокричала несколько мгновений назад. О бездна, что я делаю! Неужели я и правда этого хочу? Неужели у меня, у мамы, у этого незнакомого парня нет другого выхода? И ведь похоже, что действительно нет...

– Я хочу покинуть остров.

А вот теперь я сказала это уже вполне осознанно. Но получилось не сразу. Я стояла в свете прожектора, тщетно пытаюсь разлепить непослушные губы и понимая, что долго так стоять нельзя. Ордер-кибы – ребята крутые, шуток не понимают. И потому пришлось сглотнуть слюну, набежавшую в неожиданно пересохшее горло, и ещё раз прохрипеть то, что я прокричала несколько мгновений назад.

– Джудит Лампкин, повторно объясните свои намерения или отойдите за периметр, иначе я вынужден буду применить силу!

– Я хочу покинуть остров.

В третий раз почему-то было проще всего. Я сказала это тихо, но разборчиво, и киб прекрасно меня понял. И погасли маркеры на столбах, и разъехались в стороны сетчатые створки причального портала, и всплыл из-под земли неожиданно изящный павильон ожидания – четыре совершенно прозрачные стены и лёгкая крыша из пальмовых листьев.

Павильон ожидания... Его определённо придумал кто-то, прекрасно понимающий, что это такое – покинуть остров. Но этот кто-то ни капельки, ни вот настолечко, не пытался облегчить ожидание тому, кто будет внутри. Скорее наоборот. А может, так и было задумано.

Павильоном пользовались очень редко, и потому прозрачность его стен была безупречна. Зачем?.. Это была последняя мысль, мелькнувшая у меня в голове перед неожиданным, как обморок, провалом в сон. Часа два-три я спала как мёртвая, без сновидений. Но пепельный предрассветный свет, проникнув сквозь стены, разбудил меня, и, полусидя на кушетке из всё тех же пальмовых листьев, я бессмысленно тарасилась по сторонам, тщетно пытаюсь сообразить, что за кошмар приснился мне в начале ночи. Пока не увидела за стеной маму.

Прозрачная, такая прозрачная стена. Потом я узнала, что павильоны способны выдерживать прямое попадание из любого официального оружия конвента. На островах, оказывается, всякое случалось. И неудивительно, что, никак не влияя на визуальное восприятие, стена напрочь отсекала любые звуки. А ещё между мной и мамой был охранный периметр. И бдительный ордер-киб, который висел в воздухе точно напротив мамы, простреливая редкую сетку ограждения жёстким светом своего прожектора.

Мама не двигалась. Ещё полшажка вперёд – и киб мог применить силу. Поэтому она просто стояла и смотрела на меня. Губы её тихонько шевелились, но я не могла различить ни слова.

Сейчас мне хочется думать, что тогда мама читала вслух своё любимое стихотворение. Наше с ней любимое стихотворение. Я никогда не спрашивала её об этом. Но в первые месяцы нашей разлуки, вспоминая мои последние часы и минуты на острове, я мстительно представляла себе, что мама пыталась в те мгновения извиниться передо мной. Извиниться за украденное детство. За украденный омниум. За отца. За украденное взросление. За то, что я прожила начало своей жизни абсолютным анплагом, даже не зная, что это такое. И уж тем более не понимая, каково это – оказаться анплагом в мире нормалов. Да, это было жёстко. Очень жёстко. И далеко не сразу я поняла, зачем всё это было нужно маме. Но принять это не могу до сих пор.

Транспорт пришёл ещё через пару часов, когда уже совсем рассвело. Всё это время мама простояла в постепенно бледнеющем луче кибовского прожектора, и губы её продолжали время от времени шевелиться. А я смотрела на неё и не могла понять, что со мной происходит. Наверное, за эти несколько часов я повзрослела больше, чем за всю предыдущую жизнь. Я поняла, каково ей сейчас. Попробовала представить, каково мне будет через месяц, год, дюжину лет – и поняла, что ничего не понимаю. Ясно было только одно: выбор сделан, и обратного пути у меня нет. Более того – нет у нас обеих.

Мой транспорт оказался не безликим обшарпанным кашалотом, привычным мне с раннего детства. Это был редкий гость на нашем острове – изящный аппарат высокого класса, рассчитанный от силы на дюжину пассажиров. Нестерпимо сияя обшивкой в лучах рассветного солнца, он медленно падал в посадочный квадрат, и это было хорошим поводом отвернуться, не пытаться больше понять, что пытаются сказать мне напоследок мамыны глаза.

Мы много летали с мамой над островом. Но почти всегда это были блошинные прыжки от нашего бунгало к очередному месту занятий и обратно. А теперь я, напрочь забыв о событиях ушедшей ночи, прижалась к иллюминатору и с лёгким страхом, переходящим в восторг, смотрела на наш остров, который плавно, но с головокружительной быстротой проваливался вниз и уходил назад, заволакиваясь золотистой вуалью первых утренних облаков. Всю предыдущую жизнь остров был для меня набором слабо связанных между собой отдельных мест. Теперь я увидела цельность: косо спадающие в океан плоскости лиловых скал, округлые холмы со впадинами кратеров, бережно хранящих внутри последнюю утреннюю тень, длинные, причудливо изогнутые полосы серого песка, зелёную дымку зарослей пиний – и всё это жёстко замкнутое внутри тонкой белой линии прибоя, обозначающей собой край острова, отчерчивающей его от невообразимо огромного пространства океана.

Для того, чтобы по-настоящему что-то понять, надо от этого отказаться. Тогда я ощутила это в первый раз. И, к сожалению, далеко не в последн

К

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.